СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ ЕЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

УДК 316.77

Н. В. ИВАНЧУК

Необходимость обновления дискурса социологии управления обусловливается многими причинами, как внешними, так и внутренними.

Социология управления сегодня переживает непростые времена. Она должна адекватно отвечать на многочисленные риски и вызовы, которые порождаются современной цивилизацией, противоречиями ее развития.

В модернизирующихся обществах резко возрастает значение публичной политики. Объективный, взвешенный анализ происходящих социальных процессов и выработка практических рекомендаций по управлению ими позволяют повышать эффективность политики на всех ее уровнях. Но и сама социология управления должна оказываться на уровне стоящих перед нею задач. В обновляющемся мире знание о нем необходимо обновлять не в меньшей мере, чем обновляется мир.

Долгие годы и в социологии, и в других науках доминировали идеи «прогресса», «всеобщего благоденствия», неограниченности возможностей социального инжиниринга. Но сегодня все более востребованной становится не столь оптимистическая, а более соответствующая реальности парадигма. Ее сторонники исходят из следующего тезиса. «Согласиться с тем, что наши возможности социального инжиниринга ограничены — не значит сдаться или стать фаталистом. Напротив, ограничение амбиций и фокусирование усилий закладывают предпосылки перемен, тогда как гипероптимизм ведет к разбазариванию редких ресурсов и особенно — нравственного и политического капитала» [19, с. 251], — отмечает американо-израильский социолог А. Этциони.

Дискурс как концепт, термин используется во многих значениях. В одном из них он — «множество связанных между собой формулировок, понятий, принципов», которые «конструируют то, как мы говорим или пишем об определенной проблеме», считает английский исследователь этих вопросов Тони Уотсон [14, с. 147]. Таким образом, дискурс «задает структуру способа понимания и ответа на эту проблему».

Дискурс любой науки, социологии управления в том числе, играет исключительно важную роль в реализации тех функций, которые она призвана выполнять: познавательной, прогностической, социализирующей, коммуникативной и многих других. Так, социолого-управленческий дискурс проясняет, артикулирует потребности и интересы различных социальных групп, побуждает их к активным, целеустремленным действиям, используя потенциал языка, его логики, новых образов, метафор, в том числе и ранее невостребованного, по выражению М. Фуко, «дисквалифицированного», незаконного знания. Полностью освободить научный дискурс от идеологического влияния вряд ли возможно, да и вряд ли нужно. Идеологии, несмотря на неоднократно провозглашавшийся их «конец», тем не менее не умирают. Но опасность представляют идеологизирование, фетишизация их роли, манипулятивные идеологии. В этом смысле научный дискурс, подчеркивает известный отечественный социолог и философ А. А. Зиновьев, обязательно должен быть антиидеологичен.

Научный подход, в том числе социологический научный подход, — «есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического» [4, с. 128]. В общей словесной форме принципы научного подхода к изучению объектов просты. К их числу относится, прежде всего, «принцип субъективной беспристрастности, познание объектов такими, какими они являются сами по себе». Но природа людей такова, что «они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной» [4, с. 172]. Есть не только потребность в познании, но и противостоящая ей потребность в «изолгании бытия». Противоборство названных потребностей — отнюдь не заранее предопределенный процесс. «И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления» [4, с. 130].

Для обывательского подхода характерны: поверхностность суждений и оценок, банализация, тривиализация сложнейших социальных проблем, стремление их решать по упрощенным схемам, опираясь, например, на инверсионный стиль мышления и практического действия, зачастую даже не осознавая этого. В соответствии с таким стилем, если абсолютизация общественной собственности не оправдывает себя, на смену ей должна придти и приходит обвальная приватизация. Если она терпит фиаско, на смену ей приходит всеобщее огосударствление.

Для социологии управления – и не только для нее – сближение ее дискурса с его обывательской или идеологической разновидностями имеет самые негативные последствия. В основе любого дискурса лежит высказывание как его исходная клеточка. Но полноценный, всесторонний анализ дискурса не может этим ограничиваться.

Дискурс социологии управления опирается на характерные для него парадигмы, модели и подходы, являющиеся его методологической основой. В нем выделяются наиболее важные, актуальные в той или иной ситуации аспекты социолого-управленческой деятельности. Дискурс определяется во многом специфичной для него системой понятий, тем, насколько они реалистично, динамично отражают реальность. Наконец, дискурс – это совокупность образов, метафор, аналогий, риторических практик, в которых закрепляются и конкретизируются его методологические установки.

Сегодня все чаще высказывается мысль, что современный кризис не только экономический, а не исключено – цивилизационный, требующий для его преодоления смены парадигм развития, разработки альтернативы западному пути развития, западному капитализму управляемому «невидимой рукой рынка».

Китайский мыслитель Ту Веймин, которого называют «современным Конфуцием», считает, что «в странах Восточной Азии под влиянием конфуцианской культуры уже построили менее конфронтационную, менее индивидуалистическую и менее эгоистическую современную цивилизацию. Он призывает к гармонии западных и восточных ценностей: «Мы не имеем выбора ‘или – или’» [6, с. 189]. В разработанной и реализуемой в Китае модернизации, осуществлении баланса стабильности и изменений огромная роль отводится принципу гармонии, который относится к наиважнейшим принципам конфуцианства. Этот принцип включает «гармонию между человеком и природой, гармонию между людьми и гармонию между государствами» [8, с. 151]. Для российского общества утверждение принципа гармонии, баланса, например, между потребительскими и производительными потребностями, между различными социальными группами, верхами и низами имеет не меньшее значение, чем для китайского.

Происходящие в российском обществе процессы – изменения в его социальной структуре, рост уровня образования, особенно молодежи, и многие другие – еще более властно, чем прежде, требуют дальнейшего развития демократии, повышения ее качества. А она открывает новые возможности для гармонизации, сбалансированности интересов различных слоев населения, различных сфер жизни российского общества.

Для решения этих проблем необходимо повышать и уровень их теоретического анализа, концептуального осмысления и вести более актуальный поиск путей практической реализации рекомендаций ученых. Так, на протяжении многих лет они отмечают большие и социально не оправданные дисбалансы в распределении доходов между различными группами населения нашей страны. В одной из недавних публикаций на эту тему известный экономист О. Т. Богомолов приводит такие цифры. В США переход к прогрессивной шкале налогообложения позволяет снизить неравенство между крайними, насчитывающими по 10%, группами населения до 15 раз, а без использования прогрессивной шкалы налогообложения неравенство составило бы 67 раз. Фактическая налоговая нагрузка 20% российского населения с низкими доходами превышает нагрузку 20% населения с высокими доходами. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попадают в разряд низкооплачиваемых [3, с. 67]. Но серьезных практических изменений в ликвидации такого рода дисбалансов так и не произошло, хотя они намечены и остается надеяться на то, что наконец произойдут.

Российскому обществу присущи и другие дисбалансы, которые тормозят развитие его производительного потенциала. Средний чиновник в нашей стране получает в 2,6 раза больше, чем специалист, работающий в подотчетной ему области. В европейских странах не встречается превышения зарплат чиновников над зарплатами работников

курируемой ими отрасли более чем в 1,5 раза [7, с. 2].

Нельзя не отметить, что решение такого рода проблем исключительно сложно не только для стран, находящихся в начале их демократического пути, но и для являющихся образцами, оплотом современной демократии. Сегодня реальностью является нарастание социальных, экономических и других противоречий и в самых демократических странах. Зигмунт Бауман – выдающийся британский философ и социолог – отстаивает тезис, в какой-то мере непривычный для отечественного дискурса: «демократия – время беды». Конечно, институты сами по себе важны, но не менее важно – каким реальным содержанием наполняется их деятельность, каким ценностям и идеалам преданы чиновники, персонал этих институтов. Не случайно сегодня начинает оформляться особый экономический, социологический, управленческий подход – когнитивно-институциональный синтез. Когнитивная составляющая этого подхода позволяет включать институты в более широкий контекст знания и познания, понимания тех факторов, которые воздействуют на поведение человека, его мотивацию. Индивид, успешно преодолевающий свои когнитивные диссонансы, например, между сознательным и бессознательным, верой и неверием, способен и действовать более эффективно.

Выдающийся американский экономист, один из основоположников когнитивно-институционального подхода, Д. Норт, ввел в научный оборот понятие «адаптивная эффективность», которое важно и для дискурса социологии управления. Адаптивная эффективность «представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать институты с появлением очередных проблем. Соответствующим требованием является наличие такого государственного устройства и экономики, которые были бы готовы к непрерывным испытаниям перед лицом хронической неопределенности и устраняли бы те институциональные адаптации, которые неспособны справляться с новыми проблемами» [10, с. 242], – подчеркивает Норт.

Сегодня, как отмечает Бауман: «власти применяют принцип коллективного страхования все более неохотно и со все большими исключениями, оставляя граждан один на один со все возрастающим числом угроз» [1, с. 62]. Увеличение разрывов в уровне жизни и доходах становится рядовым явлением и в развитых странах. «В Великобритании, например, доля 1% наиболее состоятельных граждан в национальном доходе с 1982 г. по 2008 г. выросла с 6,5 до 13%, а высшие менеджеры компаний, входящих в расчет лондонского биржевого индекса FTSE – 100, получают сегодня в 133 раза больше их среднего работника, хотя тридцать лет назад этот показатель не превышал 20 раз» [1, с. 63]. В то время как реальные возможности удовлетворения человеком его потребностей дифференцируются в зависимости от его социального положения, статуса, индивидуальных способностей, представления «о достижимых перспективах универсализируются, и движущей силой поведения становится угнаться не за соседями, а за знаменитостями: супермоделями, футболистами или эстрадными звездами» [1, с. 63]. Культивирование нереалистических желаний, дополненное легковесными представлениями о возможностях их реализации, вместо внесения назревших изменений в модель потребительского поведения чревато новыми угрозами и усилением уже существующих дисбалансов.

«Страх, который демократическая система и ее воплощение – социальное государство обещали сделать достоянием истории, возвращается многократно усиленным» [1, с. 64], – отмечает Бауман.

Увлечение демократической риторикой, идеализация реальных возможностей удовлетворения насущных потребностей и ожиданий характерны, на мой взгляд, и для современного российского общества, в том числе и некоторых его лидеров, что проявилось, например, в период подготовки и проведения завершившихся выборов президента России.

Таким образом, для дискурса социологии управления перспективны синтез и сравнение различных парадигм, систем ценностей – восточных и западных, интеграция различных подходов, например, когнитивного и других. Отечественная социология управления находится в начале этого пути. Но он, бесспорно, перспективен.

Возрастание в современном мире актуальности и остроты национально-этнических проблем требует разработки моделей, подходов, которые позволяли бы более эффективно регулировать взаимоотношения между различными нациями и этносами. Эти отношения весьма динамичны, противоречивы, иррациональны, требуют постоянного

обновления знаний об этой сфере общественной жизни. Она остается весьма конфликтной, трудно управляемой.

Сегодня ряд ключевых моделей, на основе которых ранее строилось управление национальными и этническими процессами, – «плавильного котла», «мультикультуризма» переживают глубокий кризис. «Плавильный котел» ассимиляции барахлит и гадит – не способен «переварить» возрастающий миграционный поток», – отмечает В. В. Путин. – Не намного лучше «мультикультуризм». Он возводит в абсолют «право меньшинства на отличие и при этом недостаточно уравновешивает это право – гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом» [11, с. 1].

Многие представлявшиеся ранее оправданными стереотипы сегодня уже не работают. Устарели и нарративы, опиравшиеся на идентичности «свой – чужой», разного рода фобии и образы врага, хотя соблазны использовать их по-прежнему остаются. Но от этого межнациональные отношения не стали проще. Это хорошо можно проследить на примере такого феномена как толерантность. Во времена Дж. Локка толерантность была неотделима от взаимопризнания: «сперва признание и принятие законов республики потенциальным гражданином, затем – признание прав новоиспеченного гражданина, как «естественных», так и конфессиональных со стороны республики» [18, с. 55]. В XXI веке локково понимание толерантности мало кого привлекает. «Важно заметить: толерантность не сводится к реальности юридической, она безуспешна, если не состоится в сфере моральной, если тот «другой», которого положено «терпеть» по закону, не станет «другим», не терпеть которого безнравственно» [18, с. 56].

Толерантность – сложный социальный феномен, имеющий не только юридическое, но и нравственное, экономическое, социальное, управленческое содержание.

Большую актуальность в глобализирующемся мире приобрела проблема национальных интересов, поиска ресурсов их реализации. В выигрыше оказались такие страны, как Китай, которые дальновидно отказались от преждевременного свертывания этой проблематики. «Китаю удалось добиться чрезвычайно большого экономического роста, так как он, вопреки мнению о глобализации как победе западного капитализма над интересами других стран, включился в глобальный капитализм, преследуя собственные интересы» [16, с. 14]. Опора на здравый смысл, на то, что лежит на поверхности, далеко не всегда помогает. Недооценка роли теоретических знаний, не говоря уже о пренебрежении ими, подмена подлинно научных знаний, научного дискурса их подобиями приводят к самым негативным последствиям.

Ранее многим, в том числе в нашей стране, представлялось (а таких людей немало и сегодня), что социализм и капитализм несовместимы, что это кентавризм, используя термин, который предлагает Ж. Т. Тощенко [15]. Однако «социалистическая рыночная экономика» в Китае стала реальностью. «Идеологически марксизм по-прежнему занимает доминирующее положение среди школ политической мысли в Китае, но другие идеологии также существуют в стране, что дает основание говорить об уникальном сосуществовании унитарной политической идеологии и плюралистических политических теорий», – отмечает Юй Кэпин, китайский политолог и историк, специалист по проблемам компаративистики [20, с. 127].

В отечественной науке, публицистике идут постоянные дискуссии о том, нужна ли нам идеология и какой она должна быть. Дискуссии можно и нужно продолжать, но необходимо и действовать. Расплывчатость ответов на эти вопросы усиливает нашу «наклонность к промедлению», о которой говорил еще П. А. Столыпин, а в подтверждение своей позиции приводил слова Петра I: «промедление смерти безвозвратной подобно» [12]. Идеология и российскому обществу, и государству нужна, но динамичная, синтезная, опирающаяся как на свои собственные традиции, так и на достижения других народов, их культур, и способная активно отстаивать национальные интересы России в постоянно изменяющемся мире. В решении рассматриваемых проблем российским народом и государством уже накоплен немалый опыт, который нужно актуализировать, а не только вспоминать о нем по случаю тех или иных знаменательных дат.

«Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его истекать кровью» [13].

Интересы России могут смещаться в зависимости от совокупности различных факторов

в сторону как Европы, так и Азии. Потребность в динамичном, гибком дискурсе отстаивания своих национальных интересов у современной России не меньшая, а, возможно, даже еще большая, чем у России столыпинских времен. Утверждая, реализуя свои интересы на одном континенте, Россия получает новые возможности их отстаивания на другом. Если же она терпит неудачу в одном регионе, то может добиться успеха в другом.

Необходимо наполнять новым содержанием уже существующие концепты и образы, делать их более гибкими и точными. А это приведет к повышению качества и социологического и управленческого дискурсов.

Так, сейчас широко используется понятие «демократия», причем зачастую в очень упрощенном варианте ее понимания. «Основываясь на приоритете свободы при неотъемлемости прав – в утверждении равенства всех членов общества – демократия требует широкого и хрупкого равновесия, и поэтому под ее внешне спокойной гладью скрывается множество противоречий и линий напряженности, а упрощенное понимание демократии, если оно становится доминирующим, не только не решает существующих проблем, но порождает новые» [2, с. 19].

Конечно, демократия – особенно упрощенно понимаемая – порождает множество проблем. Она «и новый вызов, и новые возможности; при этом возможности намного превосходят опасности, привносимые вызовом» [20, с. 129].

Вера в демократию имеет огромное значение и для ее практической реализации, и для утверждения в жизни российского общества демократического управления, которое в силу недостаточной проясненности того, что такое демократия, также остается недостаточно проясненным.

Для решения многих проблем современного российского общества, особенно связанных с его модернизацией, большое значение имеет пробуждение мотивации, основанной не только на удовлетворении уже имеющихся потребностей, которые по тем или иным причинам пока не удовлетворены, но и тех, которые инициируются, пробуждаются менеджментом. Он получил название «менеджмента, создающего мотивацию». Роль такого менеджмента и заложенной в его основе мотивации, можно предположить, будет возрастать. Основная идея этого менеджмента – «о необходимости регулирования трудового поведения человека не через внешнее воздействие, а именно через труд – managing through» [9, с. 9], труд как таковой, как самоценность. Однако такой подход пока остается преимущественно теоретической конструкцией. Чтобы она превратилась в практически действующую в широких, массовых масштабах, необходимы изменения в образе жизни и системе потребностей миллионов людей. Эти изменения будут происходить, уже происходят.

Сегодня развитие уже не отождествляется с «консьмеристской тропой», с возрастающим потреблением прежде всего материальных благ, что пока характерно для массового сознания. А это требует умелой, хорошо организованной работы по перестройке массового сознания, компетентного управления этим процессом.

Одна из важнейших задач развития – блокирование, ограничение, а в идеале – преодоление различных форм отчуждения или по крайней мере их минимизация. Использование концепта «отчуждение», особенно освобожденное от его идеологических наслоений, позволяет более глубоко исследовать социальные и управленческие процессы, происходящие в современных обществах. «Отчуждение – состояние или процесс превращения деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним», – отмечает английский политолог Э. Хейвуд [17, с. 518].

Одним из самых глубоких видов отчуждения является отчуждение человека от самого себя, самоотчуждение. В его ограничении и преодолении демократия играет исключительно важную роль. Модернизация российского общества автоматически не ведет к демократии. «И тем не менее существует тесная логическая связь между: 1) высоким уровнем экономического развития 2) культурными изменениями, направленными на усиление индивидуальной автономии, креативности и самовыражения и 3) демократизацией» [5, с. 173]. Р. Инглхарт особо подчеркивает, что в итоге «демократии становятся более восприимчивыми, а политика все меньше походит на игру, в которой допущены лишь элиты, воспринимающие мнения людей только во время выборов».

Различные формы и виды отчуждения способны усиливать друг друга, и тогда они становятся особенно опасными в плане их негативного социального воздействия. Демократические процессы порой тормозятся благодаря обоюдным усилиям в этом направлении, как со стороны общества, так

и государства, а точнее благодаря их взаимному безразличию к судьбам демократии. Есть даже предложение использовать термин «либертицид» для обозначения возникающей комбинации безграничных амбиций государства и робости, безразличия граждан [1, с. 65].

Точно и своевременно артикулируя и обозначая происходящие изменения, постоянно обогащая и расширяя ее дискурс, социология управления помогает и обществу, и государству решать стоящие перед ними проблемы. Тем самым она помогает и самой себе, утверждая свой авторитет в обществе.

1. Бауман З. От агоры к рынку – и куда потом? [Текст] / З. Бауман // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. М.: Европа, 2010. С. 54–72.
2. Белл Д. Демократия и права: великая дилемма нашего времени [Текст] / Д. Белл // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. М. : Европа, 2010. С. 54–72.
3. Богомолов О.Т. Социально-гуманистические аспекты модернизации России [Текст] / О.Т. Богомолов // Вестник РАН. 2012. № 1. Т.82. С.67.
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания [Текст] / А.А. Зиновьев. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С.128.
5. Инглхарт Р. Модернизация и демократия [Текст] / Р. Инглхарт // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. М. : Европа, 2010. С. 167.
6. Карелова Л.Н. Ту Веймин и новое конфуцианство [Текст] / Л.Н. Карелова, С. Н. Чугрова // Политические исследования. 2012. № 1. С. 188–189.
7. Комсомольская правда. 2012. 15 марта.
8. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая [Текст] / Лю Цзайци // Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
9. Мирзоян В. А. Кризис трудовой мотивации: опыт философского анализа [Текст] / В.А. Мирзоян // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 3–13.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений [Текст] / Д. Норт. М., 2010. 256 с.
11. Путин В. Россия: национальный вопрос [Текст] / В. Путин // Независимая газета. 2012. 23 января.
12. Столыпин П. А. Мысли о России. М., 2006. С.22–23.
13. Столыпин П. А. Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 г. // Полное собрание речей: Нам нужна великая Россия. М. : Молодая гвардия, 1991. С.37.
14. Титц С., Коэн Л., Массон Д. Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений [Текст] / Пер. с англ. Харьков, 2008.
15. Тощенко Ж.Т. Кентавризм как деформация общественного сознания [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 3–12.
16. Федотова В.Г. Новые идеи в социальной теории [Текст] / В.Г. Федотова // Социологические исследования. 2011. № 11. С.14–24.
17. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов [Текст] / Э. Хейвуд. М., 2006.
18. Хома О. Философские культуры: терпимость, толерантность и признание [Текст] / О. Хома // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 54–64.
19. Этциони А. Меньше – значит больше: нравственные достоинства политического минимализма [Текст] / А. Этциони // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М. : Издательство «Европа», 2010.
20. Юй Кэпин. Демократия в Китае: вызов или шанс? [Текст] / Юй Кэпин // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010.